

Козлоолень против Бармаглота

Часть III: Рассеченное небытие

Статья Артема Юнусова

Иллюстрации Маргариты Извариной, Марины Миталевой и Натальи Ежовой

Мы продолжаем нашу охоту на несуществующих чудовищ с тем, чтобы выяснить, какое именно из них ничтит надежнее, чем все оставшиеся. В предыдущих сериях мы познакомились с такими обитателями небытия, как козлоолени, Юлий Цезарь, Сцилла и Золотая гора. На очереди — преодоление небытия средствами логического анализа языка Рассела, Куайна и Крипке, а также кровавое выяснение того, кто может считаться царем несуществующей Золотой горы.

Нынешний Пегас Франции

Выбравшись из джунглей Мейнонга, мы снова двинемся вниз по магистральному течению аналитической философии. Это течение вынесет нас к Бертранию Расселу и его теории дескрипций, ставшей в рамках аналитической мысли ведущей программой по вытеснению несуществующих объектов за границы бытия, а со временем — одной из главных парадных вывесок этого философского течения. Едва уловимая перчинка этой программы, впрочем, заключается в том, что она, в сущности, является не более чем модификацией программы Фреге.

Рассел, будучи, как и положено английскому джент-

льмену, куда тоньше и опрятнее в своих политических воззрениях, чем неистовый Фреге, отказывается от выселения обозначений пустых сущностей за пределы точного языка: все они вполне допускаются им в любую речь, и с них полностью снимаются обвинения в том, что они превращают ее в бессмыслицу. Впрочем, последствия этой эмансипации для самих несуществующих предметов оказываются вполне плачевными. Если Фреге изгонял несуществующие объекты за пределы значимого и выразимого в языке, а Мейнонг рассеял бездомные сущности по различным климатическим поясам своих джунглей, то Рассел, оказавшись в мировой философии исполняющим обязанности Фреге после утраты Фреге философской дееспособности¹, снова открывает границы логической империи (под его руководством превращающейся скорее в логическую республику) и приветствует все несуществующие объекты референции на ее просторах — вот только политика Рассела в отношении реиммигрирующих пустых сущностей заключается в их тотальной культурной ассимиляции.

Итак, Рассел в статье «Об обозначении» [Рассел 2009]

---

1. Старика, как известно, подкосили парадоксы самореференции.

идет неброской культурной войной на Нынешнего Короля Франции — и последний на всю жизнь останется его любимым несуществующим врагом. Беспокоящая Рассела пропозиция — «нынешний король Франции лыс». Ему кажется, что она непременно должна быть истолкована как ложная, и теориям Мейнонга и Фреге отвечаются тумачи за то, что они не способны обеспечить такое ее истолкование (у Мейнонга истинностное значение этой пропозиции оказывается неопределенным, у Фреге она бессмысленна). Однако, критикуя Фреге, Рассел на деле в своем собственном решении продолжает линию последнего. Фреге, вспомним, с одной стороны, объяснял существование пустых имен наличием у них смысла при отсутствии значения (и как прямое следствие этого — предлагал запретить употребление таких имен); с другой — разрешал проблему утверждения несуществования несуществующего через интерпретацию существования как квантора, т.е. функции второй ступени, указывающей в случаях утверждения несуществования чего-либо на то, что объем понятия пуст. Таким образом, одна проблема у Фреге была расколота на две части — одно решение он давал для имен (различение смысла и значения) и другое — для понятий (истолкование существования как квантора, задающего пробег переменной). С точки зрения логической процедуры, второе решение намного более элегантно (хотя бы потому, что оно не требует привлечения в наши рассуждения таких заоблачных сущностей, как «смыслы» Фреге). Рассел фактически принимает это решение и хитроумно распространяет его применимость на все случаи — в том числе и на случаи пустых имен²: все они должны разрешаться с помощью интерпретации существования как квантора.

Как это возможно? Ну, единственное, что мешает сделать это в системе самого Фреге, — тот факт, что, поскольку кванторы являются функциями второго

порядка, они могут иметь своим аргументом только функции первого порядка. Иначе говоря, квантифицировать чисто синтаксически можно только понятия, а попытка квантификации имени порождает бессмыслицу. На практике это означает, как мы помним, что нельзя говорить «Цезаря не существует» (здесь «Цезарь» — это имя, и поэтому утверждение в целом будет бессмысленно), но вполне возможно сказать «не существует такого человека, как Цезарь» (здесь мы имеем дело с понятием «такой человек как Цезарь», и все в порядке). Решение Рассела чрезвычайно просто: отказаться определять нечто как понятие или имя в зависимости от контекста (у Фреге это определялось в зависимости от того, является ли слово подлежащим или сказуемым) и заявить, что понятия — всегда понятия, а имена — всегда имена. Тогда такое «обозначающее выражение», как «нынешний король Франции», нужно понимать, говоря словами Фреге, как понятие, а не как имя.

2. При этом в своей статье Рассел только критикует Фреге, не указывая, что основу собственного решения проблемы высказываний о несуществующих объектах он позаимствовал именно у него. Определенная вероятность того, что он пришел к этому решению без всякого влияния Фреге, есть (в конце концов, он цитирует в «Об обозначении» не те работы Фреге, где последний дает свое решение этой проблемы для понятий), однако, учитывая важность для Рассела фигуры Фреге и глубину его знакомства с работами отца новой логики, в это верится с трудом.

Но если «нынешний король Франции» — это понятие, то из этого можно сделать два важных вывода. Во-первых, оно должно иметь «предикативную природу», т.е. быть на самом деле скрытой, незаполненной пропозицией вида $P(x)$, которой для восполнения нужен аргумент x ; причем, поскольку в явном виде этот аргумент в предложении не указан, нужно постулировать его наличие в нем в скрытом виде. Во-вторых, поскольку это понятие, а не имя, его можно квантифицировать — что нам изначально и требовалось. Рассел принимает оба этих следствия, и это позволяет ему истолковать пропозицию «нынешний король Франции лыс» не как « x — лыс» (как сделал бы Фреге), а как «существует такой x , что x — нынешний король Франции и x — лыс»³. При таком истолковании а) эта пропозиция оказывается явно ложной (поскольку значения таких x -ов не существует), но в то же время б) нам вовсе не приходится предполагать существования каких-то несуществующих объектов. Иными словами, рецепт Рассела состоит в том, чтобы видеть в таких фразах, как «нынешний король Франции», не имена, обозначающие несуществующие объекты, а, как он сам говорит, *дескрипции*, или свернутые неполные пропозиции (говоря языком Фреге, «понятия»), которые не имеют никакого значения в отдельности, но участвуют в задании значения всего предложения, в котором они встречаются, в целом. При этом важно понимать, что для Рассела применимость предложенной им теории не ограничивается только случаями несуществующих объектов: *все* обозначающие фразы, подобные «нынешнему королю Франции», являются для него дескрипциями — вне зависимости от того, указывают ли они на несуществующие объекты или на существующие.

Итак, Рассел заявляет: многое из того, что кажется нам что-то обозначающим, само по себе лишено значения и лишь участвует в задании последнего в составе высказывания. Естественный следующий (и завершающий) шаг в этом направлении — объявить, что таковы не просто многие, но *вообще все* вещи, которые кажутся нам значащими, — то есть сказать, что не только дескрипции, но и собственные имена являются свернутыми и неза-

3. Все рассуждения Рассела я перевожу на язык более современной логической записи; запись самого Рассела слишком архаична для глаз вмняемых людей. Впрочем, в ней есть все же то безусловное преимущество, что ему удается в ходе анализа в ее терминах вообще устранить из любого выражения слово «существует».

конченными пропозициями. Самым известным сражением, выигранным с помощью этой тактики, была битва Уилларда Вана Ормана Куайна с Пегасом (его чудовищем-фаворитом), хотя в действительности в полной мере эта программа сформулирована уже самим Расселом (но кратко и с неуместными уступками — так, он иногда готов считать собственные имена именно собственными именами, если они не обозначают несуществующих лиц). В итоге, любое имя несуществующего предмета — будь это имя собственное или нарицательное — можно рассматривать как дескрипцию. Относительно собственных имен встает вопрос о том, как именно разворачивать их до дескрипции (можно видеть в «Пегасе» сокращение описательной фразы «крылатая лошадь, пойманная Беллерифонтом», а можно поступить радикальнее и сразу переодеть «Пегаса» в глагольную форму, развернув это имя как «такой x , что он есть-Пегас» или «такой x , что он пегасствует»), но это для Куайна и Рассела скорее чисто технический вопрос; его решение потенциально утомительно, но он не внушает интеллектуального трепета, сравнимого с логическим ужасом перед гостями из небытия, а главную задачу — упоминать несуществующих чудовищ, одновременно вовсе их не упоминая, — Рассел и Куайн и так решили.

Что же мы можем сказать о небытии нынешнего короля Франции и Пегаса? Их небытие — это небытие логической переменной, никогда не принимающей нужного значения; они не существуют даже не как предметы, а как параметры ложных пропозиций. Так что их небытие — это несуществование логически выпотрошенных оптических иллюзий.

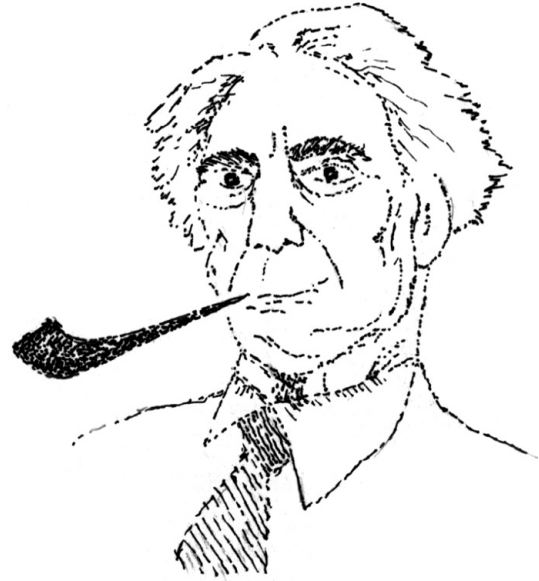
О бойся Бармаглота, сын!

Ну вот мы и добрались до Бармаглота.

Бармаглот — один из философских монстров Сола Крипке, возможно, самого влиятельного из ныне живущих аналитических философов. Хотя этот зверь, откровенно говоря, и уступает по частоте упоминаний другим фиктивным сущностям, с которыми слыщается Крипке, однако именно он для Крипке явно является самым любимым соперником — видимо, в силу того, что сочетает в себе черты как вымышленных натуральных видов (таких, как единороги), так и отдельных персонажей литературного вымысла (таких, как Шерлок Холмс и Гамлет); и то, и другое — пустые имена, и Крипке

выходит на бой с ними [Крипке 1980].

Впрочем, здесь следует немедленно оговориться, что крипкеанский поединок с Бармаглотом — это, на самом деле, прокси-война; истинное направление удара Крипке — Рассел и присоединившиеся, а истинный объект атаки — описанная выше теория собственных имен как свернутых дескрипций. Крипке бьет ровно в то место, которое Рассел оставил неразрешенным, объявив, однако, что оно разрешимо в принципе, — в вопрос о том, как именно мы должны заменять имена соответствующими им дескрипциями. Возьмем для иллюстрации отвязного любимца всех философов-первокурсников — Диогена Синопского. На какую дескрипцию мы должны заменить его имя, употребленное в предложении, чтобы речь действительно шла о нем? Ну прежде всего это должна быть дескрипция, выделяющая его уникальным образом среди всех прочих объектов. Мы могли бы в таком случае обозначить его как «человека, совершившего у», подставив на место у одну из увлекательных историй, изложенных о нем у Диогена Лаэртского, — ради общественного приличия ограничимся той, где наш изобретательный киник ходит по городу с фонарем средь бела дня. Но что, если эта история (как это очень может быть) никогда не имела места в действительности и является не более, чем историческим анекдотом, — ведь тогда это саботирует нашу референцию? Что ж, тогда для спасения референции мы можем выбрать другую историю или представить нашу дескрипцию как совокупность всех залихватских историй о Диогене вообще. Но что, если все живописные рассказы о Диогене абсолютно неаутентичны? Ну это вряд ли — нет сомнений, что греческим доксографам было мало знакомо стремление к безукоризненной исторической аккуратности, однако выдумать из пустоты весь корпус диогеновых анекдотов они все же вряд ли могли, и какое-то историческое ядро там должно было остаться. Но давайте все же вообразим, что ничего исторического там все-таки нет и все гусарские истории о Диогене являются не более, чем выдумкой, — в этом, в конце концов, нет ничего невозможного. Итак, если с Диогеном всего этого не происходило, а мы употребляем его имя как свернутую дескрипцию, отсылающую к этим событиям, то значит ли это, что, когда мы употребляем имя «Диоген Синопский», нам не удастся обозначить этим именем именно Диогена Синопского? По Расселу, именно так и должно получаться; однако Крипке резонно замечает, что даже если все или большинство из того, что мы знаем о каком-то

историческом персонаже, оказалось бы ложным (Платон был бы женщиной, Декарт — пришельцем, Фуко — гигантской разумной сосиской), это ничуть не могло бы помешать нам обозначать в своих высказываниях именно этого персонажа и никого другого.

В противовес теории дескрипций, не способной справиться с объяснением этого феномена, Крипке пытается с определенными усовершенствованиями реанимировать теорию Джона Стюарта Милля, согласно которой собственные имена — это группа слов, обладающих только денотацией и лишенных коннотации (если грубо и безжалостно перевести это в термины Фреге: обладающих значением и лишенных смысла). Теория самого Крипке состоит в том, что собственные имена являются жесткими десигнаторами, т.е. своеобразными метками, фиксирующими референцию определенного слова на определенный предмет (или вид предметов), причем делающими это жестко (т.е. так, что эта метка более не может переместиться с этого предмета) и напрямую (т.е. так, что для этого не нужны какие-либо опосредующие объяснения, устанавливающие связь предмета со словом, — описания, перечисления необходимых признаков, одним словом — дескрипции).

Для того, чтобы объяснить, как же мы в таком случае, например, используем в своей речи имена всех тех

бесчисленных людей, которых мы никогда не видели лично (и, значит, к которым не могли установить такую жесткую референцию самостоятельно), Крипке выстраивает каузальную теорию референции: референция жестких десигнаторов устанавливается однажды (например, для имени человека — при рождении) и затем передается внутри сообщества от одного человека к другому — по цепочке, которая, постоянно удлиняясь, тем не менее всегда обеспечивает непрерывность референции к самому предмету, о котором идет речь, и даже глубже, к самому акту его именованя. Так, в ситуации, когда Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, а Иаков — Иуду и братьев его, Иуда с братьями легко и с полным правом употребляют имя Исаака. В самом деле, когда Иосиф говорит «Исаак», он тем самым отсылает к знанию этого имени, полученному от Иакова, которое тот получил, скажем, от Исаака, а он, в свою очередь, от того, кто научил его его собственному имени и, собственно, нарек его этим именем (от Авараама) — и, наконец, отсылает к самому этому акту наречения.

Любому исследователю известно, что лучший фундамент собственной теории — дымящиеся обломки теорий предшественников. Но одной критики никогда не достаточно, любая теория должна показать, что она, как минимум, справится с тем, что было по плечу теориям, которым она приходит на смену. А один из самых громких успехов теории дескрипций — заманчивая победа над несуществующими объектами. Поэтому и Крипке — который сам, судя по всему, ничего против несуществующих объектов не имеет — оказывается вынужден ввязаться в драку с Бармаглотом и Шерлоком Холмсом.

Теория пустых имен Крипке на первый взгляд кажется оскорбительно элементарной, но на деле оказывается весьма замысловатой. Прежде всего, Крипке возвращается к некоему варианту дихотомии Фреге, который рассекал язык на царство научной строгости и находящиеся за его границами лингвистические буераки. Крипке по-хожим образом выделяет, помимо языковых выражений, выражающих пропозиции, такие выражения, которые только прикидываются (*pretend*), что они выражают пропозиции, не делая этого на самом деле (к последним он относит всю область вымысла (*fiction*), прежде всего художественного). Но если для Фреге его деление было поводом полностью сосредоточиться на обустройстве своей империи точных значений, а за ее пределами он был готов допустить полную анархию, безумие и всяческое трупоедение, то Крипке не намерен отсекал от есте-

ственного языка целый его кусок просто потому, что на этом куске не построишь науки, и пытается создать теорию в том числе и для использования языка в области вымысла. Основа этой теории уже указана выше, и именно она производит впечатление обидной простоты: по Крипке, пустые имена, т.е. имена вымышленных объектов, не осуществляют при их применении референции, а только прикидываются, что осуществляют ее; поэтому высказывания в вымышленных рассказах не выражают пропозиций, а только прикидываются, что их выражают. Все это объясняется достаточно элегантно замечанием, что если у нас есть какая-то (любая, на самом деле) теория референции, которая объясняет нам, какие именно условия должны быть удовлетворены, чтобы референция состоялась, то нет ничего сложного в том, чтобы притворяться, что эти условия удовлетворены, прекрасно зная, что на самом деле это не так. Именно это и происходит, когда мы утверждаем, что Колобок ушел от бабушки, дедушки и прочего фольклорного зоопарка: мы делаем вид, что у этого предложения есть значение (и оно является истинным или ложным), а у его частей — референция; при этом мы прекрасно понимаем, что на самом деле это не так. В этом случае мы, так сказать, укутываемся в вымышленный мир и принимаем его правила игры — отлично осознавая, что это именно правила и именно игры.

Чудно. Но что это говорит нам об онтологическом статусе вымышленных персонажей (они же «несуществующие объекты»? Получается что-то вроде того, что Бармаглот существует понарошку, так? Ничуть; Бармаглот хотя и является вымышленным объектом, но как таковой существует совершенно реально. Это легко показать: мы можем вынырнуть из мира Бармаглота и уже в нашем хмуром и серьезном мире сделать такие высказывания об этих «пылкающих огнем» существах, которые будут строго истинными вне рамок вымысла, тогда как в рамках вымысла они должны были бы быть ложными. Вот я говорю: существует такой вымышленный персонаж, как Бармаглот. Если принять за систему координат наш мир, то это высказывание истинно — такой персонаж действительно существует, и мы можем четко указать условия истинности этого высказывания (т.е. рассказать, что должно было бы произойти, чтобы такого персонажа в нашем мире не было — допустим, Льюис Кэррол должен был бы не заниматься упоительной литературной чепухой, а плотнее шлифовать свои детерминанты). Однако внутри вымышленного

рассказа о Бармаглоте утверждение «существует такой вымышленный персонаж, как Бармаглот» является явно ложным, потому что в мире Бармаглота Бармаглот вовсе не является вымышленным персонажем.

Пройдемся по «существованиям» Бармаглота (ибо у Крипке он может существовать различно). Во-первых, Бармаглот действительно существует понарошку в мире Бармаглота — т.е. когда мы говорим о существовании Бармаглота внутри рассказа о Бармаглоте, используя при этом игрушечные пропозиции и игрушечные объекты референции. Во-вторых, Бармаглот существует в строгом смысле в нашем мире — как вымышленный персонаж. В качестве вымышленного персонажа он вполне реален — его существование в таком виде является существованием особого рода абстрактного объекта, наподобие таких объектов, как «народ» или «нация». И, наконец, в-третьих, Бармаглот существует как фиктивное имя. Что имеется в виду? Он не существует в нашем мире как физический объект, соответствующий понятию Бармаглота. Но вот беда: как мы можем сохранить осмысленность высказывания «Бармаглота не существует», если мы отвергаем расселовский анализ этой пропозиции? Крипке жертвует самой пропозициональностью этого высказывания (способностью быть истинным или ложным), чтобы сохранить его осмысленность. Иными словами, высказывание «Бармаглота не существует» следует, вероятно (сам Крипке на этот счет весьма туманен), интерпретировать как «не существует истинных пропозиций формы “Бармаглот существует”», где само высказывание “Бармаглот существует” не является пропозицией» [Kripke 2011, 71].

Можно ли признать этот ответ удачным или нет, каждый может решить для себя, а мы пока приглядимся к несуществованию Бармаглота. В отличие от прочих экспонатов нашего нигилистического зверинца, Бармаглот не существует сразу несколькими различными способами — как минимум, тремя (в соответствии с тремя типами его существования). Во-первых, его нет на самом деле, как объекта в реальном мире. Вместе с тем, во-вторых, он не существует в игрушечном мире книги Кэрролла как вымышленный персонаж — ведь для других персонажей он вполне реален. И, наконец, в-третьих, он не существует как элемент пропозиции, поскольку само высказывание «Бармаглота не существует» не является пропозицией. Одним словом, несуществование Бармаглота оказывается на удивление многообразным.

FINISH HIM!!!

Итак, вот наши претенденты на звание самого отсутствующего повелителя Ничего: платоновские призраки, козлоолень Аристотеля, схоластический Юлий Цезарь, Сцилла Фреге, Золотая Гора Мейнонга, нынешний король Франции Рассела (также известный как Пегас Куайна) и, наконец, Бармаглот Крипке.

Прежде всего, на технических основаниях нам придется дисквалифицировать призраков Платона. Во-первых, они не имеют вообще никакого отношения к референции в собственном смысле: они не являются именем и даже не претендуют на то, чтобы отсылать в своем использовании к предметам; они — название проблемы, а не носители значения. Далее, их слишком уж много (а именно, весь мир) — а у нас все-таки честный бой, чистая борьба. Наконец, они и не претендуют на то, чтобы как-то особенно не существовать: ну да, к ним примешано небытие, и потому сквозь них, как сквозь любые нормальные приведения, просвечивает пейзаж, но ведь их самих (опять же, как всех приличных духов) все же как-то видно — потому что и бытие в них тоже есть. Одним словом, нет в загробном мире Платона теней достаточно бесплотных, чтобы выйти на наш сегодняшний бой.

Следующей из поединка выбывает Золотая Гора, и даже не потому, что она гора. Последнее было бы извинительно, не продолжай она так навязчиво существовать в своем небытии: не зря Мейнонг при разговоре о той онтологической характеристике, которой наделяны все предметы, включая предметы, лишенные бытия, нередко все-таки называет ее «бытием», пусть и особого рода. Так что и Золотая Гора в своем отсутствии слишком уж осязаема.

Обратившись к оставшимся претендентам, мы можем заметить, что у бойцов Рассела и Куайна численное преимущество — от дескриптивного несуществования на ринг выставлены сразу два участника, которым, очевидно, нечего делить, так что нынешний король Франции выезжает на арену прямо верхом на Пегасе. Уравнием шансы, раздав и оставшимся чудовищам по всаднику, а пешим героям небытия, соответственно, по коню. Со Сциллой все просто — я уже упоминал, что, помимо нее, Фреге высылает за границу бытия и прочих гомеровских героев, так что пусть ее ездомом будет Одиссей. Сам Гомер, кстати, залезает в седло козлоолена —

у меня не нашлось ранее надобности об этом упомянуть, но о несуществовании слепого поэта Аристотель достаточно подробно размышляет наряду с козлооленым небытием. Под Юлием Цезарем нам совсем нетрудно будет рассмотреть Химеру — второй любимый несуществующий объект референции средневековой логики. Наконец, Бармаглота мы, пожалуй, увенчаем Шерлоком Холмсом: в самом деле, выбор у нас между ним и Гамлетом⁴, и при всем уважении к датскому принцу, как бойцовские качества, так и стратегический талант претендентов малосопоставимы⁵.

Итак, наша схватка неожиданно приобрела очертания кавалерийского турнира, а значит, нам нужно обозначить состав поединков. Будем же придерживаться тематического принципа: пускай Цезарь на Химере меряется бесплотностью с оседлавшим Пегаса нынешним королем Франции (в конце концов, оба отчасти монархи), а Гомеру с Козлооленем будет, в свою очередь, вполне уместно схлестнуться с оставшимися в нашем репертуаре эллинами — Сциллой и Одиссеем. Холмсу на Бармаглоте соперника пока не осталось, так что они вступят в бой только в следующем раунде. Как говорится, *round one, fight*.

Легче всего из седла выбить Цезаря: само его несуществование акцидентально, при этом он обладает вполне субстанциальным бытием — и вот он уже болтается на пике нынешнего короля Франции. В античной же схватке победа, вне всякого сомнения, за Козлогомерооленем (хочется написать: Челмедведосвином), и почти на тех же основаниях: Сцилла с Одиссеем не существуют только как предметы референции и только в пределах логического рейха Фреге; за его пределами и в качестве смыслов они вполне обладают бытием, а бытие в качестве смысла — это, быть может, куда более прочное и основательное бытие, чем бытие презренных «реальных» предметов. Так что шесть пастей Сциллы с тремя рядами их зубов слишком реальны, чтобы ухватить бесплотную тушу козлооленя.

Итак, в строю остаются Бармаглот (при участии Шерлока Холмса), нынешний король Франции (на Пегасе) и козлоолень (с прилегающим Гомером). У нас опять на одного бойца больше, и в этот раз своей очереди при-

дется дожидаться королю Франции, ибо не можем же мы не натравить друг на друга тех чудовищ, противостояние которых недвусмысленно обещано в заголовке. Битва, впрочем, не будет долгой; многоликое небытие Бармаглота все-таки прозрачнее грамматического небытия козлооленя, которое в своей сути, вспомним, является только одной из супплетивных падежных форм бытия. Когти ли Бармаглота острее, слишком ли осязаема шкура его противника — как бы то ни было, козлоолень нокаутирован обратно в бытие.

В финал выходят монстры Крипке и его главных недругов — теоретиков дескрипций; смешанные команды из неведомого чудища и вымышленного сыщика по одну сторону барьера и сказочной лошади и небывалого монарха по другую. Кто же кого?

Оба тандема едва различимы для взгляда. Небытие короля и Пегаса — это логически разъятые смысловые атомы, в промежутке между которыми не осталось никакого предмета, который на самом деле обозначали бы их имена; сложно представить себе более пустые сущности. Сам способ их данности — это логико-оптическая иллюзия, где каждое слово отсылает к чему-то непохожему на само себя, само растворяясь за вашей спиной, пока вы оглядываетесь в поисках того, на что оно указывает; это онтологическая пропасть, тщательно разрытая логикой предикатов первого порядка, перед которой мало шансов даже у самого изобретательного небытия. Но что же Бармаглот? Ведь он не просто не существует, но не существует сразу тремя способами — сумма сразу трех несуществующих, пожалуй, должна была бы придать ему нигилистического веса (то есть, может быть, напротив, отнять?!). Может и так, вот только в каждом из трех его несуществований все так же сохраняется частичка бытия («как бы» бытие, бытие абстрактным объектом, бытие фиктивным именем) — и вместе с несуществованием при суммировании наших трех лиц Бармаглота, пожалуй, одновременно копится и его существование.

Бармаглот, если быть откровенным, был изначально не соперником нынешнему королю Франции. Теория его небытия является побочной *ad hoc* теорией, которая существует только как часть крипкеанской атаки на расселовскую теорию значения; в ее цели никогда не входило вообще лишить пустые имена бытия, в то время как теория дескрипций была создана практически исключительно вокруг объяснения небытия значений пустых имен и, таким образом, имела своей самой важной задачей разъять кажущееся бытие нынешнего

4. Крипке еще размышляет над несуществованием Моисея, но не будем гневить Давида Апфельбаума.

5. Не помогло бы делу и знаменитое сомнение принца именно в том вопросе, что нас интересует.

короля Франции на пустоту.

Логическая хирургия отцов аналитической философии выскребла из фантома франкского монарха все существование, которое там еще можно было обнаружить, и свела его статус к переменной, никогда не получающей значения, после чего еще и утвердила его небытие законодательно, постулировав, что «быть» — это именно «быть значением переменной». На месте нынешнего короля Франции и Пегаса пульсирует логический вакуум, которому не составляет труда разметать в онтологическую кашу зарвавшихся Бармаглотов и британских сыщиков. Повелителем небытия оказывается — что вполне уместно, учитывая его монарший опыт, — нынешний король Франции верхом на верном боевом Пегасе.

Библиография

1. Куайн 2003 — Куайн У.В.О. О том, что есть // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; Под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 7–24.
2. Рассел 2009 — Рассел Б. Об обозначении // Избранные труды. Пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. С. 18–33.
3. Kripke 1980 — Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
4. Kripke 2011 — Kripke S. Vacuous Names and Fictional Entities // Philosophical Troubles. Collected Papers Vol I. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 52–74.
5. Kripke 2013 — Kripke S. Reference and Existence. The John Locke Lectures. Oxford: Oxford University Press, 2013.

